

НАПОЛЕОН И ПОЖАР МОСКВЫ: 200 ЛЕТ ДВУХ МИФОВ О МОСКОВСКОМ ПОЖАРЕ 1812 г.

«Это был спектакль - море огня; стены пылающего пламени и вихри, подобные водоворотам волн, устремляющиеся вдруг к пламенеющему небу, и вновь немедленно падающие в океан огня. Этот спектакль был самый великий, самый величественный и самый ужасный из тех, которые я видел за свою жизнь», - воскликнул Наполеон на о-ве Св. Елены, вспоминая о московском пожареⁱ.

Свое поражение в России Наполеон неизменно объяснял в одном ключе: все сражения в ходе кампании 1812 года им и его солдатами были выиграны, но ничто не смогло победить природной стихии -огня, холода и «жестокости населения», которая сама по себе была одной из тех стихий, которые не подвластны человеческому гениюⁱⁱ. Со времени публикации «Мемориала» многие поколения французов, подобно стендалевскому Жюльену Сорелю, именно в этом ключе стали воспринимать события в Москве в 1812 г.

Что же русские? Восприятие русским национальным сознанием пожара Москвы удивляет еще больше. На протяжении 200 лет русские последовательно перебрали все возможные объяснения пожара - от категорических заявлений о целенаправленной организации пожара Наполеоном до столь же категорических утверждений, что это было сделано патриотически настроенным населением города. 15 июля 2010 г., выступая в оргкомитете Москвы по подготовке к 200-летию Отечественной войны 1812 года, мэр города Ю.М. Лужков заявил о необходимости проведения специального расследования по поводу причин «вселенского пожара» города в 1812 г.ⁱⁱⁱ Каким же образом возникли два национальных мифа? А кроме того, существует ли вообще сам русский миф о московском пожаре? Ведь какой-либо единой версии у российских историков, российских властей и российской общественности не существует! Рассмотрим вначале, как выглядели события глазами солдат Великой армии и глазами ее полководца.

Бородинское сражение, произошедшее 7 сентября 1812 г., Наполеон и его армия восприняли как несомненную победу, которая открывала ворота Москвы и предвосхищала долгожданный мир^{iv}. Тем не менее Наполеон не исключал, что русские могут дать еще одно сражение непосредственно на подступах к столице и, конечно же, будут окончательно разгромлены. Однако если главнокомандующий русской армией М.И. Кутузов на такое сражение не решится, то, по мнению Наполеона, он будет должен повести свои войска либо на северо-восток, дабы прикрыть С.-Петербург, либо, скорее всего, на юго-восток от Москвы. Между тем русские продолжали отступать на Москву. Поэтому Наполеон приготовился к битве. Но битва не состоялась. Утром 14 сентября стало ясно, что Москва будет сдана без боя. Вывод напрашивался один: армия противника совершенно деморализована, и мирные переговоры неизбежны. Эти предположения французского императора подкреплялись тем, что командующий русским арьергардом генерал М.А. Милорадович обратился к французскому командованию с предложением заключить перемирие, дабы его войска могли свободно пройти через Москву и оставить ее в целости и сохранности французам. В противном случае, как заявлял Милорадович, он будет вынужден драться на улицах Москвы, а город будет сожжен и разрушен. При этом русские солдаты неизменно демонстрировали перед бойцами передовых французских частей усталость от затянувшейся войны, дружелюбие и готовность к общению с противником. Ни Наполеон, ни командующий авангардом Великой армии король Неаполя И. Мюрат не могли знать, что обращение Милорадовича было его собственной инициативой, своего рода военной хитростью, вызванной критической ситуацией, в которой оказался арьергард отступавшей русской армии. И все же многие обстоятельства должны были насторожить Наполеона, а именно: в городе отсутствовала администрация и ушли почти все жители. Небольшая делегация иностранцев, живших в Москве, которая встретила Наполеона у Дорогомиловской заставы, сообщила ему о зловещих приготовлениях губернатора Москвы Ф.В. Ростопчина, желающего заманить французов в ловушку. Однако всему этому Наполеон не пожелал придавать серьезного значения.

Скорее наоборот. Он опасался, что ввод в город большей части французской армии

может обернуться массовым мародерством и нежелательными эксцессами накануне открытия мирных переговоров.

Поэтому Наполеон приказал ввести в Москву только одну пехотную дивизию генерала Ф. Роге из Молодой гвардии, которая должна была занять Кремль, и немногочисленных элитных жандармов; авангарду Мюрата было приказано пройти город не останавливаясь и расположиться у его восточных окраин; а частям легкой кавалерии - выставить посты по западной окраине города, дабы не допустить проникновения в него желавших поживиться солдат французской армии. Наполеон был максимально предупредителен и демонстрировал готовность к мирным переговорам.

В этой ситуации уже вечером 14 сентября в городе начались пожары. Французский император отнес их возникновение как на счет дезертировавших солдат русской армии, предававшихся грабежам, так и мародеров из числа солдат своих собственных войск. 15 сентября Наполеон наконец-то сам въезжает в Москву во главе Старой гвардии, достигает Кремля, затем, с трех часов дня, совершает объезд ближайших к Кремлю кварталов города. Именно в эти часы, когда французский император вступал в город и совершал непродолжительный объезд, сила пожаров заметно уменьшилась. Поэтому все свои прежние приказы император оставляет в силе. Таким образом, к вечеру 16 сентября большая часть города продолжала находиться вне контроля французских войск, и легко стала жертвой возобновившихся пожаров. В ночь с 15 на 16 сентября почти вся Москва оказалась охвачена огнем. Все попытки остановить его силами французской армии и немногочисленных местных жителей оказались безрезультатными. Наполеон, наблюдая пожар из Кремля, смог только сказать: «Какое ужасное зрелище! Это они сами! Сколько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди! Это скифы»^v. В одной этой фразе сокрыт один из ответов на важный вопрос, почему Наполеон оказался столь слеп и непредусмотрителен при вступлении в Москву. Ответ ясен: его представления, представления человека, хотя и пережившего Революцию, сформировались во многом на основе идей века Просвещения, которые, оказалось, мало соответствовали реалиям того, что уже в те годы называли «Восточной Европой».

Только теперь Наполеон вспомнил о настойчивых предупреждениях «московских французов», о зловещих приготовлениях Ростопчина, о том, как «организованно» начались многочисленные пожары уже вечером 14 сентября. Считал ли Наполеон, что инициатива поджога русской столицы могла исходить от императора Александра I? Возможно, что такая мысль его посетила. Но Наполеон немедленно ее отогнал, так как в этом случае любые переговоры о мире были бы совершенно бесперспективны. Поэтому всю ответственность французское командование возложило на Ростопчина. Эту версию Наполеон активно озвучивал в бюллетенях Великой армии, написанных в Москве^{vi}. 24 сентября в Москве состоялся судебный процесс, на котором предстало 26 русских, обвиняемых в организации поджогов. «Вина» 10 из них была «доказана», и они были на другой день казнены^{vii}. Этот процесс должен был снять обвинения со стороны русского правительства и со стороны европейской «общественности» с французской армии в том, что она каким-либо образом была причастна к уничтожению Москвы.

Большую роль в формировании французской версии объяснения московского пожара сыграл настоятель церкви Св. Людовика в Москве, скрытый иезуит, аббат А. Сюрюг. Он был близок к семье Ростопчиных настолько, что ему удалось накануне войны 1812 года убедить жену губернатора Екатерину Петровну тайно перейти из православия в католичество. Во время французской оккупации Москвы Екатерина Петровна поставила мужа в известность об этом событии, и Ростопчин, возвратившись в столицу, разорвал все отношения с аббатом. Письма Сюрюга, отправленные отцу Буве, также скрытому иезуиту, повествующие о событиях в Москве в 1812 г. и указывающие на Ростопчина как на организатора поджогов, целенаправленно стали распространяться в рукописных списках и способствовали закреплению французской версии событий в восприятии многих европейцев.

Мы обратились также к нескольким дневникам и нескольким десяткам писем, отправленным чинами Великой армии из Москвы сразу после пожара, а затем перехваченным русской армией и уже 200 лет хранящимся в российских архивах^{viii}. Почти во всех письмах (исключение составил только один адресант, который не отрицал активной роли в поджоге Москвы солдат Великой армии) утверждалось, что Москву сожгли сами русские, иногда - при участии английских агентов. Во многих письмах точно воспроизводились цифры и факты,

уже изложенные Наполеоном в бюллетенях. При этом если до показательного процесса 24 сентября в некоторых письмах мелькало имя Александра I как причастного к организации пожара, то затем оно исчезает, и в письмах остается только один виновник - Ростопчин.

Окончательное становление французской версии, французского мифа о московском пожаре произошло в 1823 г., когда в ответ на публикацию книги Ростопчина «Правда о пожаре Москвы», в которой он попытался снять с себя обвинения в поджоге столицы, были изданы письма Сюрюга, а Ж. Шамбрэ в том же году в своей книге «История экспедиции в Россию»^{ix} категорически оспорил версию бывшего губернатора русской столицы. В дальнейшем практически уже в неизменном виде эта версия воспроизводилась во всех работах, публиковавшихся во Франции и посвященных событиям 1812 г.^x

Своеобразными модификациями французского мифа стали сюжеты, посвященные московскому пожару, в историографии Польши, Британии и США. При этом, если польские, британские и американские историки чаще всего просто воспроизводили французскую версию (М. Кукель, П. Б. Остин, К. Кэйт и др.)^{xi}, то немецкие авторы (Г. Ценоф, Г. Шмидт и др.)^{xii} с поразительной педантичностью вначале перечисляли все возможные версии причин пожара, подвергали их критическому разбору, но в конечном итоге неизменно солидаризировались с французской версией.

Перейдем сейчас к русской историографии московских событий 1812 г. Первый вопрос, который возникает перед нами, существует ли в действительности русский миф о пожаре? Мы думаем, что существует. Однако этот миф отличается большим своеобразием, он прошел более сложную, чем французский, эволюцию и вобрал в себя многие перипетии российской истории за 200 лет.

Первый важный шаг в возникновении русского мифа был сделан осенью 1812 г. российской государственной и военной элитой (самим императором Александром I и главнокомандующим Кутузовым^{xiii}), которые обвинили в акте сожжения Москвы неприятеля. Наполеон и его армия должны были предстать в глазах русского и европейского народов разрушителями и варварами, что в значительной степени удалось сделать. Теперь русские должны были безжалостно мстить разрушителям их столицы. В то же время рыцарское поведение Александра I и русских войск после взятия Парижа в 1814 г. было призвано оттенить благородство победителей Наполеона на фоне бесчеловечности наполеоновских солдат в 1812 г. Эта первоначальная версия, указывавшая на французскую армию как на главного организатора и источник пожаров, в дальнейшем то исчезала, то возрождалась вновь. Особенно сильный всплеск эта версия пережила в начале 1950-х - середине 1980-х годов^{xiv}.

Второй по значению и по времени появления русской версией стало мнение о деятельности Ростопчина, русского командования и местных жителей, выступивших главными организаторами поджогов. В разных вариантах это мнение разделяли наиболее крупные исследователи войны 1812 года: в XIX в. - А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович, А.Н. Попов, в XX в. - Е.В. Тарле, Н.А. Троицкий и др.^{xv} Нередко они, как, например, Тарле или Троицкий, отмечали в этой связи «патриотический подъем», «патриотический порыв» москвичей.

Третья русская версия состояла в том, что ее сторонники, отмечая воздействие разных факторов и сил, говорили о невозможности установить «виновника» московского пожара^{xvi}.

Наконец, были многочисленные попытки в российской историографии просто перечислять возможные причины пожара, давать уклончивый ответ, возлагать всю «ответственность» на ветер, разносивший огонь от уничтожавшихся русскими складов и т. д.

О чем же свидетельствуют русские исторические источники - мемуары, письма, официальные бумаги? Они, как ни странно, содержат свидетельства, подтверждающие все эти многочисленные версии! Столь противоречивой была та картина, которая предстала перед глазами русских свидетелей трагедии 1812 года!

Все это заставляет, на первый взгляд, предполагать, что русского мифа о московском пожаре как такового вовсе не существует. Однако это не так. В этой путанности ответа русского человека на вопрос о московском пожаре как раз и воплотилась особенность русской души, русского характера и российской историографии. В этом разноголосом и невнятном ответе можно увидеть многое: во-первых, значительный элемент политического влияния и политической конъюнктуры; во-вторых, противоречивость и амбивалентность

«обнаруженной» «истины»), но вместе с тем, в-третьих, одновременное стремление к ясности и категоричности ответа.

Что сегодня происходит и что будет происходить в ближайшее время с русским мифом о московском пожаре? Смогут ли исследователи дать ответ на вопрос, столь категорично и несколько самонадеянно поставленный Лужковым? Проблема здесь заключается не только в поиске новых, неведомых нам ранее источников. Большая часть источников известна, и известна давно. Проблема в их критическом сопоставлении и, главное, в осознании механизмов функционирования индивидуальной и национальной исторической памяти, национального исторического мифа.

Руководствуясь этими ориентирами, мы попытались, аккумулировав максимально возможный на сегодняшний день, как по объему, так и по разнообразию источников, фактологический материал, вновь обратиться к событиям в Москве сентября 1812 г.^{xvii} Вне сомнения, ключевой фигурой, действия которой могли сыграть главную роль в возникновении московского пожара, был Ростопчин. Сохранилось множество свидетельств тому, что он готовил поджог города и даже организовал для исполнения этой задачи агентов полиции. Но... сам Ростопчин много лет, вплоть до своей смерти в 1826 г., уклонялся от сомнительной славы «русского Герострата». В своей книге «Правда о пожаре Москвы», опубликованной в 1823 г., он, казалось бы, вполне резонно обосновал невозможность организации пожара столь всеразрушающей силы, как это было в 1812 г., с помощью эпизодических и ограниченных действий московской полиции^{xviii}. Отверг он и утверждение о массовом использовании для поджога города выпущенных на свободу уголовников. Наше специальное исследование, посвященное этому вопросу, показало, что Ростопчин действительно не собирался использовать заключенных в этом качестве. Если некоторое число узников Тюремного замка и оказалось на свободе, то это произошло вследствие неразберихи при эвакуации Москвы. Что же касается освобождения «населников» («ямы» (тюрьмы для неопасных нарушителей закона и неоплатных должников), то они вообще вряд ли сыграли заметную роль в грабежах и поджогах^{xix}.

Но тогда становится непонятным, кого же расстреливали французские солдаты как «поджигателей»? Эти расстрелы продолжались вплоть до ухода Великой армии из Москвы, и, по нашим подсчетам, было казнено не менее 500 человек! Мы попытались дать свое объяснение этому парадоксу. По нашему мнению, большей частью казненных были не уголовники и не переодетые полицейские, но дезертиры, брошенные на произвол судьбы русские раненые и, в особенности, подонки столицы, для которых патриотические чувства и готовность пограбить чужое имущество вполне органично сочетались между собой. Ростопчин, прекрасно знавший психологию русского простонародья, при своем отъезде из Москвы бросил на растерзание пьяной толпы несчастного молодого человека (М. Верещагина), облыжно обвиненного им в измене Отечеству. Дикая расправа, учиненная над Верещагиным, «вдохновила» московское простонародье как на борьбу с захватчиками-французами, так и на безудержные погромы, поджоги и грабежи имущества своих соотечественников.

В целом наши общие выводы в отношении причин пожара Москвы в 1812 г. заключаются в следующем.

1. Московский пожар 1812 г. стал результатом множества обстоятельств: преобладания в городе деревянных строений; исхода почти всех жителей из столицы; грабежей, производившихся как солдатами наполеоновской армии, так и мародерами из числа русских солдат и местных жителей; природными и погодными условиями.

2. У пожара были организаторы, усилия которых предопределили начало и масштабы катастрофы. Главную роль в его организации сыграл генерал-губернатор Ф. Ростопчин; он, во-первых, вывез почти весь противопожарный инструмент, во-вторых, организовал чинов полиции для производства первых поджогов, в-третьих, и это было главным, он, как сам выразился, «поджог дух народа», проявив при этом высочайший цинизм, жестокость и презрение к собственному народу.

3. Роль русского военного командования и Кутузова в деле организации пожара была не очень значительной, соответствуя обычным мерам военного характера.

4. Вопрос о влиянии на эти события императора Александра I остается открытым. В любом случае о каком-то непосредственном влиянии речь не может идти. Но и Александр I, и Кутузов сразу воспользовались фактом поджога Москвы для разжигания ненависти к

захватчикам.

5. Наполеон допустил ряд серьезных просчетов, что способствовало размаху пожара и пагубности его последствий для Великой армии. Французский император переоценил степень деморализации русских войск после Бородинского сражения; не был в состоянии представить готовность противника пойти на невыносимые для западного европейца жертвы; недооценил решимость русского императора идти в борьбе со своим противником до конца.

Итак, может ли быть результатом проведенного нами исследования, в котором мы попытались проанализировать все аспекты проблемы и представить непротиворечивые имеющимся фактам выводы, возможным концом национального русского мифа? Думаю, что вряд ли. Национальное сознание (несмотря на появившиеся контуры Единой Европы и процессы глобализации, идущие в мировом масштабе, нации будут существовать) продолжает нуждаться в исторических мифах. Вопрос только в том, каковы они. Играют ли они разрушительную роль, сея зерна национальной, религиозной и социальной предубежденности и ненависти, а иногда и уничтожающие в нации-создателе мифа чувство собственного достоинства, либо созидательные, позитивные, открывающие дорогу к конструктивному диалогу и даже взаимопроникновению разных культурно-цивилизационных полюсов, тем самым способствуя развитию как национального, так и «общечеловеческого». Мы выбираем второй вариант, второй путь - созидательный миф Наполеона.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Memorial de Sainte-Hélène: Suivi de Napoleon dans l'exil. [P.]: E. Bourdin, 1842. Т. 2. Р. 592.

ⁱⁱ Ibid. Т. 1. Р. 36. Запись от 10 октября 1818 г.; Т. 2. Р. 341. Запись от 25 октября 1816 г.; *Montholon. Histoire de la Captivité de Sainte-Hélène*. Bruxelles: Meline, 1846. Т. 2. Р. 179; etc.

ⁱⁱⁱ Размышляя о версиях происхождения пожара, Ю.М. Лужков в конечном счете заявил (впрочем, ни на чем не основываясь), что это «совместное русско-французское творчество» (Веч. Москва. 2010. 16 июля).

^{iv} См.: *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008.

^v *Ségur Ph.P.* La campagne de Russie: Mémoires. P., S.a. P. 185.

^{vi} 19, 20, 21-е bulletins de la Grande Armée // *Napoléon I: (Euvres de Napoléon I. P., 1827. Т. 5. P. 62-66.*

^{vii} Тексты см.: Отдел письменных источников Гос. Ист. музея. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 19-34об.; Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 859. К. 6. № 6. Л. 84-86; *Щукин П.И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. М., 1897-1908. Ч. 1. С. 130-139.

^{viii} См., напр.: *Castellane E.V.E.B.* Journal. P., 1895. Т. 1. Р. 154-155; P. 33; *Fantin des Odoards L.F.* Journal. P., 1895. P. 332-333, 336; *Peyrusse G.J.* Mémorial et archives, 1809-1815. Carcassone, 1869. P. 101. Note. P. 102-103; Российский государственный архив древних актов. Ф. 30. Оп. 1. Д. 268. Л. 68, 70об., 71; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1842. Л. 8-8об., 52, 57-58, 86-87, 281-282об.; *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow.* P., 1913. P. 22, 24, 29-30, 33, 34, 36-37, 39, 49, 51-52, 54, 147; etc. В 1913 г. группа российских и французских исследователей опубликовала часть этих писем, но большинство их продолжает оставаться малодоступными и не востребованными.

^{ix} [*Chambray G.*] Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. Т. 1-2.

^x См.: *Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Т. 14; *Schnitzler J.H.* La Russie en 1812: Rostopchine et Koutousof. P., 1863; *Olivier D.* L'incendie de Moscou. P., 1964; *Thiry J.* La Campagne de Russie. P., 1969; *Boudon J.O.* La France et l'Europe de Napoléon. P., 2006. P. 264; etc.

^{xi} *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Krakow, 1937. Т. 2; *Austin P. B.* 1812: Napoleon in Moscow. L., 1995; *Cate C.* The War of the Two Emperers: The Duel between Napoleon and Alexander: Russia, 1812. N. Y., 1985; etc.

^{xii} *Tzenoff G.* Wer bat Moskau im Jahre 1812 in Brand gesteckt? B., 1900; *Schmidt H.* Die Urheber des Brandes von Moskau im Jahre 1812. Greifswald, 1904; etc.

^{xiii} См., напр.: Собрание высочайших манифестов, грамот, указов... СПб., 1816. С. 54; и др.

^{xiv} См.: *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 1951; Он же. Отечественная война 1812 г. М., 1962; *Жилин П.А.* Контрнаступление русской армии в 1812 г. М., 1953; История Москвы. М., 1954. Т. 3; и др.

^{xv} *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 2; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1852. Т. 2; *Попов А.Н.* Французы в Москве в 1812 году. М., 1876; *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. М., 1941; *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988; и др.

^{xvi} См., напр.: *Кудряшов К.В.* Москва в 1812 году. М., 1962.

^{xvii} *Земцов В.Н.* 1812 год: Пожар Москвы. М., 2010.

^{xviii} *Rostopchine F.V.* La Vérité sur l'incendie de Moscou. P., 1823.

^{xix} *Земцов В.Н.* Граф Ф.В. Ростопчин, уголовники и московский пожар 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. VIII/ Тр. Гос. Ист. музея. Вып. 179. М., 2008. С. 105-125.